

*“И чужие священные камни,
кроме нас, не оплачет никто”.*

Юрий Кузнецов

В конце октября–ноябре 2005 г. Франция пережила бурные социальные потрясения. Насильственные акции прокатились по всей стране. Очаги беспорядков были зафиксированы в Дании, Бельгии, Германии. У экспертов есть основания считать эти события общеевропейскими по характеру и полагать, что прекращение поджогов и погромов не привело к наступлению социального мира в Европе. Глубинные причины осенних беспорядков остались, а значит – осталась потенциальная вероятность новых потрясений.

Исследование, предметом которого были особенности восприятия событий во Франции российскими гражданами, проводилось в самый их разгар (фокус-группы – 8 ноября*, массовый опрос** – 12–13 ноября 2005 года), когда у экспертов и политиков не было ясных представлений ни о причинах и сути происходящего, ни, тем более, о дальнейшем ходе и последствиях волнений.

И. Шмерлина

Осенние беспорядки во Франции: российский фокус восприятия

Большинство россиян (84%) на момент опроса были в той или иной мере осведомлены о событиях во Франции.

Материалы фокус-групп показали, что россияне знают о поджогах и погромах во Франции, но относятся к этому отстраненно, без особого интереса.

“Послушала, как говорится, приняла к сведению, что там творится, но не так, чтобы душа болела, переживала. В основном переживаю за Россию, что у нас творится” (ДФГ, Воронеж).

“Нет, я так видел вчера по телевизору: чего-то там подожгли, там чего-то взорвали, но мне это как-то параллельно... Главное, чтобы у меня во дворе ничего не горело... Чего мне за Францию переживать?” (ДФГ, Москва).

Складывается впечатление, что сегодня россиянам несвойственны искренняя заинтересованность и личное сопереживание проблемам и потрясениям внешнего мира, сопоставимые, например, с реакцией советского общества на чилийские события 1973 года. Восприятие любой внешней информации определяется степенью ее близости к житейской реальности: волнует лишь то, что имеет непосред-

* Дискуссионные фокус-группы в Воронеже, Москве и Санкт-Петербурге.

** Общероссийский опрос населения 12–13 ноября 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

ственную связь с проблемами повседневной жизни.

Анализ материалов ДФГ показывает, как быстро разговор о тех или иных событиях внешнего мира “сворачивает” к обсуждению чисто российских сюжетов, имеющих отдаленное отношение (или вообще не имеющих отношения) к заявленной теме беседы. Показательны в этом смысле материалы фокус-групп, посвященных обсуждению такой общечеловеческой и, казалось бы, волнующей темы, как катастрофы, аварии и всевозможные природные бедствия (август 2002 года). Эти материалы дают почти гротескную иллюстрацию специфической сфокусированности сознания людей, которые зачастую воспринимают глобальные катаклизмы, наводнения, пожары, крушения самолетов, угрозу ядерной войны и прочие беды всего лишь как повод вспомнить о проблемах повседневной жизни*.

“Я глобально сказать ничего не могу. Но вообще, конечно, жизнь очень страшная стала у нас. Выйти невозможно совершенно. Куда бы ни пошел, сказать лишнее слово боишься. Рядом у нас школы две, и что они творят, это я даже не знаю! Колотся прямо в открытую!” (ДФГ, Новосибирск).

“Все страшно, нет ничего у нас хорошего абсолютно... Я слышал местные новости, что наши энергетики собираются повысить на 15–20% электроэнергию. Это сразу рост цен – а куда еще? А зарплата на той же планке. Везде страшно. И система здравоохранения – что хорошего? Ничего хорошего. При такой зарплате операцию сделать – 20 тысяч” (ДФГ, Новосибирск).

Обсуждение французских событий на фокус-группах также с самого начала превращалось в разговор о российских проблемах, и модератору приходилось прилагать усилия, чтобы направить его в нужное русло.

Модератор: *...Что происходит во Франции?*

1-й участник: *Очередная революция...*

2-й участник: *Да какая там революция? Голодный бунт...*

Модератор: *Какие еще варианты?*

2-й участник: *У нас гастарбайтеры понаехали, цены перебили. Наши в итоге сидят без работы, потому что не берут.*

Модератор: *Подождите, мы говорим про Францию, не про наших.*

2-й участник: *И во Франции то же самое. Там они согласны работать за меньшую сумму, им ее хватает. Французу среднему этой суммы не хватает. Отсюда, в общем-то, и весь конфликт”* (ДФГ, Москва).

Откровенное, отчасти даже демонстративное безразличие к социальным катаклизмам, происходящим в одной из наиболее близких России европейских стран,

* См.: Кертман ГЛ. Катастрофы и бедствия глазами россиян: локальные причины глобальных катаклизмов // www.fom.ru. Доминанты. Поле мнений. 2002. № 32.

Сегодня россиянам несвойственны искренняя заинтересованность и личное сопереживание проблемам и потрясениям внешнего мира, сопоставимые с реакцией советского общества, например, на чилийские события 1973 года. Восприятие любой внешней информации определяется степенью ее близости к житейской реальности: волнует лишь то, что имеет непосредственную связь с проблемами повседневной жизни

несколько шокирует. Вместе с тем данный феномен заслуживает не столько моральных оценок, сколько изучения. Присущие когда-то советским людям чувство “вселенской перспективы”, эмоциональная вовлеченность в события далекого внешнего мира, о котором основная масса граждан имела самые смутные и отчасти утопические представления, были в значительной степени “искусственными”, порожденными идеологической индоктринацией. В этом было много наивного, смешного, трогательного и раздражающего. Но в этой позиции была и притягательная сторона – некая приподнятость над сиюминутным житейским интересом, то чувство сопричастности человечеству, к которому призывают великие религии и идеологии.

Утопии разрушены, и восприятие внешнего мира стало более реалистичным и житейски приземленным. Это нормально и естественно. Человек эволюционно “сфокусирован” на ближайшую перспективу взаимодействия; глубокие эмоциональные переживания по поводу событий, отдаленных от него в пространстве и во времени, неорганичны его природе. Вместе с тем тот оттенок цинизма, который появился у россиян по отношению к проблемам других стран и народов, настораживает. Отчасти этот цинизм можно объяснить неким “психологическим откатом”, реакцией на искусственно поддерживавшуюся высокую “идейность” чувств и стремлений, которая культивировалась в советском обществе. Отчасти здесь заметна проекция новой, буржуазно-обывательской идеологии, не более, на наш взгляд, привлекательной, нежели утопизм советского периода. Данный сюжет, несомненно, требует отдельного глубокого анализа; материалы настоящего исследования позволяют лишь сформулировать некие общие гипотезы относительно тех изменений, которые происходят в идейно-ценностной структуре российского массового сознания.

Возвращаясь к данным опроса, отметим, что они также дают основания для предположения об отстраненном восприятии россиянами “чужих” проблем. Так, отвечая на открытый вопрос о причинах беспорядков во Франции, лишь 5% респондентов указали на специфические – экономические, социальные, политические – проблемы мигрантов. Гораздо чаще при ответе на этот вопрос люди ориентировались на самые общие представления о возможных основаниях социального протеста и называли в качестве таковых бедность, безработицу, отсутствие жилья, недоступность образования и даже голод (“народ изголодался”) – 16%, социальную несправедливость и неравенство (“люди больше не могут терпеть бесправия”) – 6%. Некоторые предположили, что участниками беспорядков движет “какое-то несогласие с властями”, “недовольство людей политическим строем”, – 7%; 5% высказали мнение о немотивированном характере беспорядков, которые, по их мнению, устроила молодежь или хулиганы, желающие таким образом поразвлечься (“скучно, надо спустить стресс”; “слишком хорошо живут”). На ДФГ вопрос о причинах, вызвавших беспорядки, получил, как будет показано ниже, более развернутое освещение.

В массовых представлениях об участниках беспорядков преобладает достаточно размытый образ “чужака”: “больше неместный народ”; “приезжие”; “чужестранцы”; “люди других национальностей” – в таком ключе, отвечая на соответствующий открытый вопрос*, высказались 17% опрошенных. Более конкретные харак-

* Открытый вопрос: “Как Вы думаете, кто, какие люди участвуют в массовых беспорядках во Франции?”.

теристики этот образ чужеземца получил в ответах 11% респондентов, которые указывали на выходцев из арабских стран, стран Азии и Африки, а также (в 4% случаев) – на мусульман и исламистов. Довольно часто люди относили участников беспорядков к определенным социальным группам: молодежи, студентам (16%), обездоленным слоям общества (10%), безработным (5%). Иногда респонденты квалифицировали участников волнений с морально-правовой стороны – как лентяев, бездельников, неадекватных, плохих людей (6%), вандалов, бандитов, “криминальных людей” (4%).

По версии участников ДФГ, типичным участником беспорядков является молодой человек в возрасте от 18 до 25 лет, с низким социальным статусом, иммигрант, араб, маргинал, “шпана-недоучка”, не желающий работать.

“Ну, как, понаехали иммигранты, которые работать не хотят, однако хотят получать пособия и просят не беспокоить их со своими законами, французскими в частности. То же самое и у нас – понаехали всякие разные” (ДФГ, Воронеж).

“Маргинальные, есть такой термин, то есть как бы в подвешенном состоянии, он еще не состоялся как человек. Может быть, школу кончил, а никуда не поступил, либо работает, но грузчиком, где-то перебивается с хлеба на воду” (ДФГ, Санкт-Петербург).

В ходе массового опроса большинство респондентов (55%) высказали предположение, что действия участников волнений координируются и направляются из единого центра. Лишь 14% опрошенных расценили происходящее во Франции как стихийные, неорганизованные акции.

Обсуждение данной проблемы на ДФГ позволило выявить аргументацию сторонников обеих точек зрения, а также спектр существующих представлений о характере волнений. Прозвучали четыре разных интерпретации происходящего во Франции: 1) немотивированное хулиганство; 2) стихийный бунт, имеющий под собой определенную социальную подоплеку и мотивацию; 3) революция; 4) заранее спланированная организованная акция, преследующая цели конкретных групп. Очевидно, что эти версии в совокупности дают нестрогий континуум в понимании природы происходящих во Франции событий.

Отметим: материалы ДФГ свидетельствуют о достаточно высоком уровне компетентности людей в обсуждавшихся вопросах, что, казалось бы, противоречит сформулированному выше выводу об отстраненном восприятии произошедшего россиянами. В действительности противоречия здесь нет: наличие некоторого уровня информированности еще не свидетельствует о личностной вовлеченности в события. Люди, живущие в плотном масс-медийном мире, несомненно, вбирают в себя разнообразную информацию о происходящем как вблизи, так и вдали от них. Получаемая информация подвергается когнитивной переработке, в которой участвуют заранее выработанные схемы восприятия – клише, позволяющие быстро и “экономично” реагировать на новые данные. Эти процессы не сопровождаются, как правило, активной рефлексивной работой, подобной той, которая требуется от участников дискуссионных фокус-групп. ДФГ актуализируют информацию, ранее усвоенную человеком, переводят ее в плоскость осмысленных и аргументируемых суждений. Фактически ДФГ представляют собой своего рода исследовательскую лабораторию, которая позволяет увидеть, как люди при оценке тех или иных событий мобилизуют “теоретические” конструкты, имеющиеся в их интеллектуальном багаже. Подчеркнем, что все это имеет отношение к когнитивным механизмам восприятия, переработки и актуализации информации и не имеет непосредственной связи с ценностными установками сознания.

При оценке тех или иных внешних событий люди мобилизуют “теоретические” конструкции, имеющиеся в их интеллектуальном багаже. Это не имеет непосредственной связи с ценностными установками сознания

Представление, что события во Франции носят характер организованной акции, базируется на общем впечатлении от масштабности процесса, которая, по мнению участников, и доказывает, что он кем-то “срежиссирован”.

“Я думаю, такая толпа случайно, спонтанно не может собраться. Это запланировано” (ДФГ, Воронеж).

“..Скорее всего, организованное, потому что слишком целенаправленно двигается... Это может быть, конечно, подражание. Но, по-моему, это как раз таки спланированное” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Обсуждая тему спонтанности либо, напротив, организованности волнений, участники фокус-групп фактически отвечали на три вопроса.

Протекают ли эти события как абсолютно хаотический процесс или в них есть элемент внешней или внутренней организации (самоорганизации)?

События начались спонтанно или они представляют собой заранее спланированную серию акций, преследующую интересы неких групп и имеющую определенные цели?

Кто может получить выгоду от европейских беспорядков и, соответственно, кто мог бы выступить в качестве их организатора?

Дилемма “хаос или организованность” получала на ДФГ преимущественно компромиссное решение. Респонденты говорили, что беспорядки, вспыхнувшие стихийно и носившие поначалу неорганизованный характер, быстро приобрели определенную согласованность и связанность. Некоторые объясняли это внутренними факторами – процессами самоорганизации, вызванными необходимостью координировать действия. По мнению других, к событиям могли подключиться некие внешние силы, заинтересованные в социальной дестабилизации.

“..В каждом коллективе есть лидер. Даже если стихийно что-то начнется, то человек со своей харизмой может сделать так, как нужно ему, и люди за ним пойдут...” (ДФГ, Воронеж).

“Изначально возникло стихийно. А перебросилось в другие города – это уже явно, что это спланировано. То есть явно, что кто-то за этим стоит. Кто – трудно сказать, но просто так ничего не бывает...” (ДФГ, Воронеж).

О том, кто мог бы возглавить или инициировать подобные акции, участники ДФГ имеют смутное представление. (Гипотеза, что за этими событиями могла бы стоять Аль-Каида, была быстро отмечена.) В связи с этим разговор о вероятных организаторах беспорядков быстро сбивался на предположения о возможных “бенефициариях” событий, в качестве каких-то назывались даже французские власти.

“Если бы они <французские власти> хотели, они бы, конечно, давно бы, во-первых, это все прекратили... Во-вторых, ввели бы санкции на въезд определенной категории людей... Не исключено, может, это преследуются какие-то финансовые интересы... Увеличение ассигнований на ту же оборону, на те же спецслужбы – то есть это можно будет объяснить...” (ДФГ, Москва).

Участники ДФГ не заходили так далеко, чтобы прямо обвинять французские власти в организации беспорядков, хотя в отношении французской оппозиции такое предположение фактически было сделано.

“Участник: ...Всегда в любом правительстве есть оппозиция. И как бы, может быть, даже кто-то из правительства, кто хочет переделать законы, сделать их жестче, скажет: “Вот видите, как может быть, если вот столько людей к нам понаедет, и они все будут требовать бесплатного проживания...”

Модератор: *И для этого надо погромы устраивать?*

Участник: *Нет, не для этого. А может быть, и так, чтобы показать, что может быть от слишком мягкой политики государства к иммигрантам.*

Модератор: *То есть оппозиции французского правительства может быть выгодно срежиссировать и устроить все эти события?*

Участник: *Да* (ДФГ, Воронеж).

Использование критерия “Qui prodest?” в поиске “истинных виновников” того или иного социального кризиса – распространенный логический ход обыденного дискурса. Популярность такой постановки вопроса в немалой степени обеспечена незыблемым когда-то авторитетом марксистской методологии анализа “классовых интересов”. Данный логический ход отчетливо выявила дискуссия в Санкт-Петербурге, на которой вначале был обозначен абстрактно-экономический бенефициарий французских беспорядков – доллар, а вскоре участники уже уверенно делали заключение, что непосредственным организатором беспорядков являются США. При этом моментально актуализировался еще один давний стереотип – восприятие США как виновника всех бедствий мировой цивилизации.

“1-й участник: *...Если смотреть, кому это выгодно, – это выгодно доллару.*

2-й участник: *Да, доллар сразу поднялся, а евро сейчас опускается...*

Модератор: *А если все-таки это начиналось запланированно, как вы думаете, кем это было подготовлено?*

1-й участник: *Только дядей Сэмом. Для того чтобы доллар поднялся, а евро опустить. Только им. Европейцам это не надо.*

2-й участник: *Про куриный грипп тоже на него можно сказать.*

1-й участник: *Конечно.*

3-й участник: *Конечно.*

1-й участник: *Тем более что они уже не первый раз на нас заразу бросают – в начале 20-х годов испанка была.*

4-й участник: *...Выгодно американскому капиталу.*

5-й участник: *...Естественно, кому-то хочется обладать какой-то мощной территорией... И, конечно же, хочется быть у руля и Евросоюза. Там же со всем другие деньги крутятся – не то что на уровне Штатов каких-то, это гораздо интересней – им хочется победить и здесь. Поэтому, может быть, этот комок они подтолкнули.*

Модератор: *Они – это кто?*

5-й участник: *Ну, я не знаю. Так трудно сказать – американцы...*

3-й участник: *Дядюшка Сэм* (ДФГ, Санкт-Петербург).

Интерпретация французских событий как “революции” представляет собой компромисс между двумя крайними точками зрения, квалифицирующими их как немотивированные безобразия или как организованную, заранее спланированную акцию. Это еще один из конструктов, спровоцированных стереотипами советского обществоведения, когда в любом массовом проявлении недовольства “низов” было принято просматривать симптомы революции или по крайней мере революционной ситуации. Другим фактором, поддерживающим эту интерпретацию, выступают многочисленные “оранжевые”, “бархатные” и прочих оттенков “революции”, как стало принято называть любые сколько-нибудь значительные политические потрясения. Слово “революция” утратило свою понятийную строгость, превратившись в размытый концепт массового сознания. Любопытно видеть, как некоторые участники ДФГ пытались восстановить данную терминологическую конструкцию, вспоминая ленинские критерии революции и революционной ситуации.

Значительная часть “теоретических” конструктов, функционирующих в общественном сознании россиян, унаследована из советского периода истории

“1-й участник: *Очередная революция... Даже отслеживая средства массовой информации, уже многие признают, что существуют определенные силы, которые вот эти революции делают. То есть это сначала была Югославия, Украина, Грузия, теперь это стала Франция.*

2-й участник: *...Если вы все учились в институте, проходили марксизм-ленинизм, что такое революционная ситуация – верхи не могут, низы не хотят, так? Вот, низы не хотят. Сначала они были согласны.*

Модератор: *Вы... согласны с тем, что это революция?*

2-й участник: *Да. Нет, это предреволюционная ситуация.*

Модератор: *Это уже предреволюционная ситуация?*

2-й участник: *Конечно...”* (ДФГ, Москва).

Впрочем, участники ДФГ быстро отказались от подобной квалификации французских событий, обратив внимание на то, что в ходе массовых беспорядков не было выдвинуто ни одного лозунга и ни о каких более или менее ясно сформулированных целях говорить не приходится.

“1-й участник: *Я думаю, что революция – это как-то готовятся, это вот массы, ...а тут же какой-то просто беспредел.*

2-й участник: *Спонтанные какие-то вспышки.*

1-й участник: *Да, беспредел такой вот, типа хулиганства.*

2-й участник: *И не подготовлено это.*

3-й участник: *А вы знаете, насчет революции, – ...какая тут цель, вот я не вижу. Какая цель здесь?..*

1-й участник: *Нет ни митинга... Все по ночам это...*

4-й участник: *Без цели там как-то все, да.*

2-й участник: *Мотивация неясна...”* (ДФГ, Москва).

Трактовка французских беспорядков как стихийных событий получила, как было указано выше, две версии. Согласно первой, это немотивированное хулиганство бездельничающих подростков. По мнению респондентов, склоняющихся к данной точке зрения, происшедшее во Франции можно расценить как вандализм, бандитские вылазки, за которыми ничего не стоит, кроме нерастраченной энергии, молодого агрессивного задора.

“*Там, может быть, несколько человек фанатичных, а остальные – так, лишь бы сделать. То есть собралась группа, человек 10–15, – чем заняться? Да вот вчера на соседней улице сожгли машину – давайте и мы сожжем. Сожгли – и все, никаких последствий, никакого наказания”* (ДФГ, Воронеж).

“*Для них это как развлечение. Собраться толпой и пойти: мы такая сила, мы идем крушим”* (ДФГ, Воронеж).

“*...Это ни с чем таким не связано, кроме одного. На Руси это называлось раньше – показать удаль свою молодецкую. И все. Просто подурачиться. И никакой цели не ставят. Просто хотят показать, что они сами для себя. Это просто интересно: пойти куда-нибудь, что-нибудь бросить, разбить”* (ДФГ, Санкт-Петербург).

Вторая версия сложнее и более точно схватывает суть французских событий. Согласно этой версии, их следует расценивать как бунт, имеющий глубокие социальные причины. Немотивированная жестокость, с которой действовали участники беспорядков, громя магазины и поджигая машины ни в чем не повинных французских обывателей, вызвана, на взгляд респондентов, целым комплексом

неудовлетворенных социальных потребностей и имеет глубинные исторические, социальные, политические и культурные истоки. Как тонко заметила одна из участниц ДФГ в Санкт-Петербурге, *“вирус попал в ослабленный организм”*.

Погромы, поджоги, агрессивные действия молодежи являются, по мнению многих респондентов, последствиями развращающей миграционной политики французских властей, позволяющей людям жить на пособие не работая, но не обеспечивающей при этом полного удовлетворения их социальных и культурных потребностей.

“Вообще, Франция – это страна, где по отношению к иммигрантам самые мягкие законы, то есть люди, которые приезжают туда, начинают этим пользоваться... То есть люди теряют всякие нормы и устои жизни...” (ДФГ, Воронеж).

“...Какой там социальный протест? Охамели. Их приструнить надо, и очень жестко приструнить... Они же не выставляют политических требований никаких, они требуют пособий. Они не требуют работы, они требуют пособий – и не трогайте нас” (ДФГ, Воронеж).

“...В любой стране есть такие люди, которые работать не хотят и никогда не будут. Они найдут тысячу причин, чтобы только не работать. И, собственно говоря, правительство нашло компромиссный вариант: “Чтобы ты не воровал, – на тебе, мы даем тебе пособие”. Если человек не работает, у него голова набита всякой дрянью, потому что украсть, обворовать, убить гораздо проще, чем идти работать” (ДФГ, Воронеж).

Наконец, в ходе дискуссий была упомянута еще одна причина беспорядков, общесистемного характера: один из респондентов обратил внимание на структурные сдвиги в социально-этнической конфигурации французского общества, происходящие вследствие непродуманной миграционной политики.

“Посмотрите, люди приезжают из одного региона в другой – у них абсолютно разные культуры. ...Нельзя, чтобы иммигрантов было больше, чем 10% от коренного населения. Когда их становится больше 10%, система начинает меняться. Когда больше 30% иностранных предметов в системе – система начинает изменяться необратимо. ...Если их больше 50% – система уже рухнет. Во Франции, очевидно, уже перешили этот предел” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Участники фокус-групп единодушно полагают, что правительство Франции несет прямую ответственность за беспорядки. Его вина, полагают они, состоит не только в недалековидной, попустительской миграционной политике, но и в неумении быстро и грамотно остановить нарастающую волну погромов.

По мнению трети (34%) участников массового опроса, власти и правоохранительные органы Франции действовали недостаточно жестко по отношению

к участникам беспорядков. Около четверти респондентов (23%) сочли, что французские власти действовали не более и не менее жестко, чем следовало в такой ситуации; 4% – обвинили их в излишней жесткости, остальные затруднились с ответом.

Осуждая излишнюю мягкость, “беззубость” французского правительства, участники ДФГ выражали обеспокоенность по поводу эффективности действий собственной, российской власти в кризисных социальных ситуациях.

“Сейчас во Франции правительство показало свое беззубость и никчемность. Кстати сказать, вот у нас свершилось вот это на Дубровке – то же самое проявилось: ни эти не готовы, ни эти не готовы, все не готовы. Другими словами, государство... не держит на ключевых местах профессионалов... Пример Франции, на мой взгляд, очень показателен, потому что, ну вот смотрите, сколько терроризма возникает из-за чего? Да из-за того, что всем нам всё всё равно. Так что следующими запросто можем быть мы – у нас хватает иммигрантов” (ДФГ, Воронеж).

По мнению большинства респондентов (56%), в России подобные беспорядки возможны. Однако аргументация респондентов, придерживающихся этой точки зрения, мало связана с собственно французскими событиями – отвечая на соответствующий открытый вопрос, участники опроса чаще всего переключались на российские социально-экономические проблемы (14%), вплоть до таких специфических, как “отмена льгот”; указывали на высокий уровень недовольства населения (“народ ...находится на точке кипения”) – 11%, социальное расслоение и несправедливость (5%) и т. п. Только 6% опрошенных говорили о проблемах мигрантов – то есть пытались провести какую-то параллель между тем, что происходит во Франции, и тем, что могло бы произойти в России. Впрочем, 3% респондентов сказали, что в России события, аналогичные французским, уже происходят.

На фокус-группах проявилась схожая тенденция. Гипотетические российские беспорядки участники ДФГ обсуждали без учета специфики французских событий. Последние были не более чем поводом поговорить о чисто российских социальных проблемах, способных вызвать ту или иную форму недовольства. Респонденты, разумеется, упоминали проблему иммигрантов, но не акцентировали внимания на данной социальной группе. Внимание участников ДФГ было смещено в сторону других категорий населения, а именно – тех, кто мог бы принять участие в стихийных насильственных акциях той или иной степени осмысленности, и тех, кто имеет реальные причины для выражения социального протеста. Ни в той, ни в другой категории иммигранты не фигурируют. В этом смещении фокуса внимания проявилось определенное понимание специфики французских событий, послужившее основой для убеждения, что французская модель социального недовольства в России не будет реализована. В ходе обсуждения было высказано мнение, что сегодняшнее положение иммигрантов в России мало сопоставимо с положением их вольготно живущих французских “собратьев”.

“У нас все-таки не будет такого количества иммигрантов, которые будут требовать или учинят некоторые безобразия, это хулиганство крупных масштабов и таких размеров, поскольку наша нищая Россия предоставит всего того, что им надо, не может” (ДФГ, Воронеж).

Коренному населению “нищей России” живется еще хуже, чем иммигрантам, – это весьма распространенное в российском обществе убеждение было артикулиро-

По мнению большинства респондентов, в России возможны массовые беспорядки, подобные французским. При этом, как правило, рисуется картина, ничего общего не имеющая со спецификой французских беспорядков

вано и на фокус-группах. Обсуждение возможности беспорядков на этнической основе привело участников дискуссии к парадоксальному заключению, что в России подобного рода беспорядков следует ожидать скорее не от мигрантов, а от коренного населения. Именно последнее, по мнению респондентов, страдает от чувства социальной ущемленности, провоцируемого “хозяйским поведением” иммигрантов.

“1-й участник: Это у нас больше причин на них выступить.

2-й участник: Они здесь хозяевами себя чувствуют... Это мы здесь ущемлены.

Модератор: ...Исходит ли опасность сейчас или в ближайшее время для нас именно от приезжих?

2-й участник: От приезжих – нет.

1-й участник: Нет.

3-й участник: Нет” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Недовольство коренного населения засильем и раскованным поведением иммигрантов может выступить отчасти реальной почвой, отчасти поводом для выплеска немотивированной агрессии, присущей определенной части молодежи (например скинхедам, которые упоминались участниками ДФГ). Направляемые силами, заинтересованными в дестабилизации положения в стране, молодые люди могут, по мнению респондентов, устроить безобразия, сопоставимые с французскими погромами.

“...У нас это <началось> гораздо раньше, чем во Франции, уже идет. Национал-социалисты, амтиловы, все эти банды, они очень мощные и хорошо сформированные. Начинается с мелких <акций>: бьют студентов, убивают. Но это уже большая группа, это уже партия, у них идея есть, они зомбированы на эту идею и ждут только сигнала собраться вместе. А там кто выше уже даст сигнал, куда идти и что делать. Это еще хуже, чем во Франции, будет. Слишком сильно у нас низкие и бедные слои молодежи, бедные кварталы, бедные города сплачиваются, и у них цель есть: бей богатых, бей черных, бей иностранцев – они всему причиной. Вот у них такая классовая идея есть” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“...Здесь у нас всевозможные молодежные движения и скинхеды, обкурившиеся наркотой или... наигравшиеся в интернет, вылезут и скажут: “Дайте нам зрелищ”. И все, и понеслось, достаточно вот эту искру бросить, а в драках, как правило, перестают разбираться, кто прав, кто виноват, лупят всех подряд... У нас нет никакого чувства патриотизма, ребята в основном работы не имеют, однако напичканы сериалами – все хотят жить хорошо. Откуда взять хорошо? Опять же идет сериал: убей, укради, отними – и у тебя все есть, и работать не надо. Вот она, питательная среда для вот этой безнаказанности, тем более, как правильно сказали, толпу всю не посадят – можно бить, крушить” (ДФГ, Воронеж).

Что касается действительно весомых и социально оправданных причин для протестных движений, то участники ДФГ видят их прежде всего в бедственном положении малообеспеченных слоев населения. Социальная обездоленность в сочетании со слабой властью – такова наиболее вероятная, по мнению людей, “пусковая модель” российских беспорядков. На этом основании было высказано предположение, что протестные акции скорее всего начнутся в российской глубинке, и французские события могут в определенной степени спровоцировать их.

Беспорядки на этнической основе в России возможны, однако, по мнению участников опроса, они могут исходить скорее не от мигрантов, а от коренного населения

“1-й участник: *...Естественно, каждый такой всплеск будет подстегивать какие-то слои и у нас к аналогичным действиям.*

2-й участник: *А у нас уже это есть – в периферийных городах далеких, там, где безработица, где по полгода до сих пор зарплату не выплачивают... И там начнется, все оттуда... Там все и начнется, именно на периферии. Там нет в таком количестве, как в Москве, милиции, и власти нет, и оружия такого нет. Конечно, начнут с малых городов... И они так же соберутся на автобусах, на машинах, приедут в более крупные города, и будут объединяться. И это все возможно в России, потому что, действительно, довели уже...”* (ДФГ, Санкт-Петербург).

В то же время участники ДФГ отмечали, что социально-психологические и возрастные особенности малоимущих слоев не позволяют рассматривать их как реальную социальную базу протестных движений, сопровождающихся насильственными действиями.

“Большинство получающих очень низкую зарплату – это как минимум интеллигенция, врачи, учителя... и, как правило, такие люди за такой оптозией, которая будет участвовать в разгромах, погромах и все прочее, они просто не пойдут, как бы они ни жили. Вот здесь я уверена даже не на 100%, а гораздо больше” (ДФГ, Воронеж).

В качестве эффективных способов предупреждения социальных беспорядков участники ДФГ называли продуманную миграционную политику, повышение уровня благосостояния населения и воспитательную работу с молодежью. Последнее предложение отражает типичное для обыденного сознания представление о механизме решения социальных проблем, в значительной степени сформированное “воспитательным пафосом” советской идеологии.

“У нас сейчас необходимо решать вопрос с молодежью. У нас молодежью никто не занимался все эти годы. Мы решали какие-то свои проблемы” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Допустим, были раньше молодежные дружины. Почему бы не устроить то же самое? Участковые наверняка знают, кто живет на их земле, наверняка есть список тех молодых людей, которые не очень благополучные, и наверняка есть те, кто благополучный. Так если благополучного выставить в более яркий свет – например, он начальник отряда?...” (ДФГ, Санкт-Петербург).

По мнению 15% респондентов, в российском обществе события, подобные французским, невозможны. Доводы, которые чаще всего приводились в защиту названной позиции, можно разделить на две группы: во-первых, в России сильная власть, которая сможет в зародыше пресечь беспорядки, если таковые начнутся (3%); во-вторых, в нашей стране другие люди (при этом некоторые респонденты имели в виду, что люди в России спокойные, умные, терпеливые и т. д., а некоторые – что пассивные и ленивые; обе группы ответов составили по 2%).

Стереотипное представление о ленивом, неповоротливом русском мужике воспроизводилось и в ходе дискуссий на ДФГ.

“1-й участник: *Вы знаете, у нас народ другой.*

2-й участник: *Ленивый.*

3-й участник: *В России все заканчивается разговором”* (ДФГ, Москва).

Напомним, однако: респондентов, считающих, что в России волнения, подобные французским, невозможны, почти вчетверо меньше, чем сторонников противоположной точки зрения. ■